

Православный ВЕСТНИК

ИЮНЬ 2014

Свято-Николаевский Храм Русской
Православной Церкви Заграницей
г. Аделаида, Австралия

№3 (54)

Содержание

3 Приезд Митрополита
Илариона. Рукоположение

7 Диакон Павел Токарев

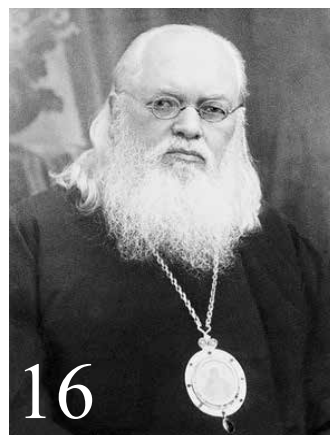
8 Пикник в лесу.
Традиционная
поездка
церковной
школы по
грибы

9 Певческий съезд в Канберре

10 Международный
фестиваль

11 Школьный концерт и обед
на Троицу

12 Памяти прихожанки Нины
Александровны Мержановой

Святитель
Лука Войно-
Ясенецкий

28 Семейное чтение

Редакционная коллегия:

Протоиерей Владимир Дедюхин,
Константин и Наталия Жуковские

www.saintnicholasadelaide.org.au

e-mail: St.Nicholas.Vestnik@gmail.com

Рукоположение

В праздник Входа Господня в Иерусалим Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей Митрополит Иларион посетил наш Свято-Николаевский приход

Сразу несколько долгожданных событий прошло в Аделаиде. Накануне Вербного Воскресенья прибыл Митрополит Иларион, Первоиерарх Русской Православной Церкви Заграницей. Из-за своей занятости Владыка не посещал Аделаиду несколько лет. В Свято-Николаевском приходе прошли вечерняя служба и Литургия в праздник Входа Господня в Иерусалим. Во время Литургии произошло ещё несколько знаменательных и долгожданных событий. В начале службы Владыкой Иларионом были произведены в чтецы Даниил Хилл (Daniel Hill) и Теохарис Папазогло (Theoharris Papazoglow), а Павел Токарев был произведён – сначала в чтецы, далее Владыка рукоположил его в иподиаконы, а затем по ходу Литургии – в диаконы. Это событие было особенно долгожданным, поскольку в Свято-Николаевском храме Аделаиды с 1995 года не было диакона.

Ещё одним знаменательным событием этого дня стало награждение о. Петра Хилла камилавкой. От души поздравляем их всех! А о. Павла Токарева – с принятием диаконского сана

и желаем ему сил, терпения и ревности, столь необходимых на этом нелёгком поприще.

После Литургии состоялся общий праздничный обед, подготовленный сестричеством Свято-Николаевского храма, где у прихожан была возможность пообщаться с Владыкой и другими священнослужителями.

Встреча Владыки

Облачение

Рукоположение

Диакон Павел Токарев

Диакона Павла в нашем приходе все хорошо знают. Но всё-таки хотелось бы о нём рассказать подробнее.

О. Павел родился в 1969 году в Сиднее в семье русских эмигрантов из Китая – Людмилы Николаевны и Альвиана Сергеевича Токаревых. В семье выросло трое сыновей: Алексей, Павел и Михаил. Надо отметить, что Людмила Николаевна и Альвиан Сергеевич – активные общественники в жизни русского Сиднея. А мама Людмилы Николаевны – Лидия Александровна Ястребова – одна из самых известных женщин русской эмиграции. Лидия Александровна была писателем, художником и фотохудожником. Несколько поколений русских в Сиднее делали свадебные и другие торжественные фотографии в фотоателье Л. Ястребовой. А её родная сестра Елена Александровна Якубова, будучи профессиональной балериной, возглавляла самую известную балетную студию Сиднея. И Елена, и Лидия писали замечательные рассказы. Проза сестёр известна не только в Австралии, но и за рубежом.

Вот в такой творческой и активной семье родился наш будущий диакон Павел. По окончании школы Павел получил строительное образование. В 1994 году на православном молодёжном съезде Австралийско-Новозеландской Епархии, проходившем в тот год у нас, в пригороде Аделаиды в Норманвилле, Павел познакомился с Мариной Ивановной Гончаровой, младшей дочерью наших прихожан Ирины Михайловны и Ивана Филипповича Гончаровых. В ноябре 1999 года Павел переехал в Аделаиду, а в феврале 2000 года Павел и Марина обвенчались. За эти годы у них родились три дочери: Эмилия, Лидия и Дарья – красавицы нашего прихода. Девочки поют в детском церковном хоре, танцуют в танцевальном ансамбле «Калинка», играют на фортепиано и имеют другие разнообразные таланты. О. Павел долгие годы был хористом церковного хора. Последние годы он преподаёт в церковной школе, является председателем родительского комитета школы, членом Приходского Совета,

членом Правления Русского Дома г. Аделаиды, членом Совета Российских Соотечественников Австралии, а также руководит детским церковным хором. Ко всему прочему, о. Павел ещё и успешно ведёт собственный бизнес – он возглавляет строительную фирму. Наши прихожане благодарны о. Павлу и за скамейки, приобретённые хором и бесплатно установленные у входа в церковь его фирмой, и за его инициативу и огромный личный вклад в строительство детской площадки в нашем церковном дворе. Любой ремонт в Русском Доме или церковной школе также никогда не обходится без участия о. Павла.

Пожелаем о. Павлу здоровья и сил на нелёгком диаконском поприще!

«Лес, грибы и самовар – русский отдыхает...»

Прошла, ставшая уже традиционной, встреча друзей нашей Свято-Николаевской русской школы. Вот уже несколько лет подряд по инициативе Павла Токарева (теперь диакона Павла) 25 апреля (ANZAC Day) учителя, родители, дети и просто друзья школы выезжают в лес по грибы.

В этом году, из-за отсутствия дождей

в нашем самом сухом штате самого сухого континента, грибов ещё не было. Но это обстоятельство не испортило праздничного пасхального настроения всем, приехавшим в лес под городком Хандорф в холмах над Аделаидой. Собралось около 50 человек, причём, надо отметить, что были не только русские, но и люди других национальностей. Запах от дымящегося самовара и смолистая хвойная свежесть леса дали всем возможность отдохнуть. Дети играли в разные игры, потом искали шоколадные яйца, спрятанные взрослыми в траве. А дальше разбились на команды и в эстафетном беге с этими же яйцами

выясняли, у какой команды ловкость и быстрота выше других. Тёплый безветренный вечер с медленно наступающей темнотой закончил этот замечательный день.

Из диалога наших прихожан:

***

- Счастье нельзя ни измерить, ни взвесить...
- А я каждый день на работе это делаю.
- Как это?
- Я акушеркой работаю.

***

- Мамочка, у тебя была мечта?
- Была.
- А сейчас?
- А сейчас она сидит рядом и задает вопросы.

Певческий съезд в Канберре

В моей обычной рутинной работе в начале мая случился приятный просвет: я поехала на певческий съезд в Канберре. И хотя я смогла попасть только на последние спевки в субботу и на службы в субботу и воскресенье утром, я всё равно получила большой творческий заряд и с большой пользой провела время.

Большинству певчих небольших церковных приходов не так часто удаётся петь в составе большого хора, а эти два дня были буквально переполнены прекрасным пением большого сборного коллектива, и это само по себе было важным, положительным моментом. Это также позволило подобрать соответствующий репертуар для такого большого опытного хора. Темой съезда в этом году было творчество Павла Григорьевича Чеснокова (1877 – 1944), и наша интерпретация «Милости Мира» на Архиерейской Литургии с митрополитом Илларионом была особенно запоминающейся. Было очень тёплое ощущение от пения радостной пасхальной музыки: предыдущие съезды не совпадали с пасхальным временем.

Я получила большое удовольствие от возможности встретиться с такими же, как я энтузиастами церковного пения со всей страны. В частности, от общения с нашим бывшим прихожанином и хористом Сергеем Шехом, который сейчас живёт в Канберре. С точки зрения профессионального уровня я много получила, наблюдая за работой трёх основных регентов: Георгия Леонидовича Сафонова, регента Свято-Даниловского праздничного

монастырского хора; Андрея Николаевича Лаптева, регента церковного хора в Кабраматте и Николая Николаевича Коваленко, регента мельбурнского церковного хора. У каждого из них был собственный стиль руководства хором, и переключаться с одного стиля на другой было не просто.

Кульминацией для меня стал концерт после съезда, данный Сводным хором Австралийской Епархии под управлением Андрея Лаптева. Концерт состоялся в Канберрском Пресвитерианском храме Святого Андрея. Целью концерта был сбор средств и подготовка к предстоящему XXXIII Международному Фестивалю церковной музыки «Хайнуква» в Польше, в котором впервые принимал участие хор из Австралии! Быть на концерте такого превосходного хора уже само по себе было счастьем, а тут ещё за день до этого мне выпала честь быть приглашённой петь вместе с ними! Дело в том, что не все участники группы, которым предстояло ехать за границу, могли принять участие в концерте, и Андрей попросил меня помочь с исполнением партии альты, чтобы поддержать баланс голосов в хоре. У нас была всего одна репетиция, но с Божьей помощью я смогла успешно выступить, после чего у меня остались незабываемые возвышенные ощущения. Я не могу передать словами тончайшую красоту и мощь музыкальных шедевров, отобранных Андреем для этого концерта из всего огромного репертуара нашего богатого и разнообразного наследия

церковной музыки. Хотя я не принимала участие в поездке в Польшу, но я чувствовала истинное благословение от возможности вместе с таким необыкновенным коллективом хористов под руководством такого талантливого регента участвовать в том, что можно назвать концертом всей жизни! Я с трепетом узнала из Интернета результат, что наш Епархиальный Хор на международном фестивале занял первое место среди приходских хоров. От этого моё ощущение значимости выступления с ними стало ещё сильнее!

И съезд, и концерт прошли слишком быстро, пришло время прощаться и возвращаться в свои приходы, унося с собою полученные знания и тепло от совместного опыта. Я хотела бы искренне поблагодарить Георгия Ивановича Бергхольца за то, что он замещал меня во время моего отсутствия, и всех хористов за то, что его поддержали.

Совсем недавно я узнала о ещё одном певческом съезде, который пройдёт в октябре этого года в Санта Розе в Калифорнии. Их программа заинтересовала меня, и, кто знает, может быть, следующая моя статья для «Вестника» будет о певческом съезде в Америке?

*Наталия Станько,
регент Свято-Николаевского хора
(Перевод К. и Н. Жуковских)*

Международный Фестиваль

В Польше в г. Белосток проходил XXXIII Международный Фестиваль церковной музыки „Хайнувка”.

История этого известного фестиваля уходит в 1982 год. За эти годы в конкурсах приняли участие более 700 хоров из 35 стран мира. В этом году впервые в Польшу смог приехать Сводный хор Австралийской Епархии (участники из Сиднея, Брисбена и Канберры). Руководитель хора регент Покровского собора в Кабраматте Андрей Лаптев. Программа конкурса состояла из пяти произведений православной церковной музыки.

Австралийский хор занял первое место в категории хоров приходжан. В фестивале

приняли участие также хоры из Польши, России, Украины, Беларуси, Румынии, Словакии, Литвы, Молдавии.

Поздравляем всех участников сиднейского хора с победой.

Во время фестиваля хор из Австралии вместе с коллективами из России, Украины и Беларуси был приглашен выступить в концерте церковной музыки в столице Польше Варшаве.

После завершения программы фестиваля 28 мая коллектив хора вернулся в Австралию. В составе хора в фестивале принимали участие: Вера Лаптева, Екатерина Фролова, Настасья Пуле, Нина Семенова, Анастасия Триантафиллидис, Мария Матыс, Марина Пуле, Лариса Котлярова, Тимофей Лаптев, Лев Яновицкий, Николай Гудков, Николай Морозов, Евстратий Папагеоргиу, Павел Желудев, Нектарий Котляров, Андрей Лаптев.

Поздравляем руководителя и всех участников православного австралийского хора с заслуженной победой на международном конкурсе.

Источник: <http://www.unification.com.au/news/story/1903/#sthash.Pij582CG.dpuf>

Фото: <http://www.festiwal-hajnowka.pl/>

ШКОЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ ОБЕД

В праздник Святой Троицы, 8 июня, в нашем прицерковном зале прошли традиционный благотворительный обед в пользу нашей школы и небольшой концерт, в котором принимали участие ученики школы. Огромную работу провели учителя школы. Особенно хочется отметить Наталию Викторовну Москвичёву, которая была ведущей концерта, Наталию Васильевну Станько, являющуюся музыкальным руководителем школы, а также Юлию Михайловну Викторову за работу по организации детей за кулисами и техническую организацию концерта. В ходе концерта дети представили зрителям русские народные обычаи, связанные с праздником Троицы, пели песни (а зрители подпевали вместе с детьми любимую всеми «Улыбку»!), рассказывали стихи, и даже поставили небольшой костюмированный спектакль про ёжика, подарившего своей маме на Мамин день цветы.

Была также организована выставка детских рисунков. После концерта по результатам голосования зрителей были награждены призами победители, а также все участники выставки. Главными призёрами стали Ольга Терентьева, Лидия Паподопулос и Виктория Викторова.

Огромная благодарность Дине Ужигасовой и сестричеству за организацию обеда. Низкий

поклон Евгении Александровне Губиной за щедрое пожертвование. Хотя её самой не было в этот день в Аделаиде, она заранее приготовила вкусный торт. О Евгении Александровне можно говорить очень долго и сказать много хорошего. Несомненно, она является преданным другом нашей школы. Дай Бог ей здоровья ещё на долгие годы!

Благодарность всем тем родителям, которые принесли домашнюю выпечку к сладкому столу. Спасибо тем учителям, которые принимали участие в приготовлении обеда. Марина Токарева каждый год работает и на кухне, и после занимается уборкой зала. Всё это наше общее дело. Спасибо всем, кто пришёл на обед и поддержал школу!

Поздравляем!

Учителя математики церковной школы Ларису Юрьевну Власенко поздравляем с рождением внука Кирилла.

Желаем новорожденному здоровья, а его молодым родителям и ещё более молодым бабушкам и дедушкам мудрости и терпения!

ПАМЯТЬ

Нина Александровна Мержанова

(12.05.1920 – 7.05.2014)

Нина Александровна родилась 12 мая 1920 года в селе Грязнуха Саратовской области в семье Александра Алексеевича Новикова (1888–1964) и его супруги Евгении Александровны. Через несколько лет семья переехала на Терский конный завод в Ставропольском крае, где Александр Алексеевич стал директором конного завода. Ко времени окончания Ниной школы семья переехала в г. Кисловодск – знаменитый бальнеологический курорт. Нина имела выдающиеся способности, с отличием закончила школу. С детства писала стихи, которые были положительно отмечены Корнеем Чуковским, с лёгкостью поступила в Московский Литературный институт им. А.М. Горького.

К большому сожалению, учёбу в литературном институте пришлось оставить из-за того, что негде было жить (в то время у институтане было своего общежития), и перейти на учёбу в текстильный институт. Во время учёбы Нина вышла замуж за кисловодчанина Георгия Урумянца, который учился в Ленинграде. В июне 1941 г. Нина, которая ожидала ребёнка, приехала к родителям в Кисловодск, а Георгий оставался в Ленинграде. Так их и застала война. Нина родила сына Александра, попала под немецкую оккупацию, Георгий умер от голода в блокадном городе, точнее, пропал без вести. Как и у многих блокадников, его следы просто затерялись.

Нину немцы угнали на работу в Германию. Своего маленького сына Алика она оставила с родителями в Кисловодске. Трудности жизни людей, угнанных в Германию, многие наши прихожане знают не понаслышке. Было трудно, но Нине Александровне всё-таки повезло: она работала на ферме у одной хорошей немки, которая, потеряв на войне трёх сыновей, не озлобилась против русских, а оставалась человечной. Когда мимо её фермы прогоняли военнопленных, они вместе с

Ниной, набрав варёных яиц и картошки, хлеба и яблок, выходили на дорогу и раздавали еду проходившим пленным.

Нина была очень красивой молодой женщиной, на неё многие русские солдаты обращали внимание. Однажды человек, которому она дала еды начал расспрашивать, как её зовут и откуда она. Разговор был коротким, на бегу, с опасностью для жизни, ведь конвоиры были недалеко. Нина только успела сказать: «Я – Нина Новикова из Кисловодска». И на долгие годы этот случай забылся.

В Германии Нина встретила и полюбила ровесника из Брянска – Валентина Дмитриевича Мержанова. В молодости Валентин очень хорошо плавал, и ему не раз доводилось спасать тонущих. Уже через несколько месяцев после начала войны Брянск оккупировали немцы. Однажды на реке тонул немецкий офицер, люди прибежали звать на помощь Валентина, но он не захотел спасать немца. Тогда, его тяжело больной отец взмолился: «Сынок, спаси его!» Валентин побежал и успел вытащить из воды и откачать немца. А через какое-то время им довелось ещё раз встретиться.

Мирное население Брянщины активно сопротивлялось немецким захватчикам. Валентин не был исключением. В числе других молодых людей он помогал партизанам, но однажды их поймали. Это была однозначная смерть для всех пойманных. Но спасённый утопленник узнал своего спасителя и отдал команду не расстреливать Валентина, как остальных, а отправить в лагерь. Так Валентин попал на работу в Германию, где со временем встретился со своей будущей женой Ниной.

В 1949 году молодые уехали в Австралию. Там у них родились дети: в 1953 г. – Лариса, а в 1955 г. – Виктор. Жизнь в бытовом плане потихоньку налаживалась, купили дом, растили детей. Но, конечно, у Нины душа болела за старшего сына.

Семья Мержановых: Валентин Дмитриевич, Виктор, Лариса, Нина Александровна. 1956 г.

После смерти Сталина в 1953 г. и после знаменитого XX разоблачительного съезда в 1956 г. казалось, что в СССР жизнь налаживается к лучшему. Семья Мержановых, как и некоторые другие семьи, вернулась на Родину. Это было в 1958 году. Когда, после долгой разлуки с родными, приехали в Кисловодск, сыну Алику было уже 17 лет. Его вырастили бабушка и дедушка, а также младшая сестра Нины – Люся. Он, как и его мама, пишет стихи (см. *“Поэтическая страница”* на стр. 30).

Нина Александровна, вернувшись на Родину, окончила Пятигорский институт иностранных языков, многие годы преподавала английский язык в школе №2 г. Кисловодска. В 1977 году похоронила своего мужа, Валентина Дмитриевича (1709/1920-18/09/1977), который умер внезапно от сердечного приступа. В 1980 г. в возрасте 60 лет Нина Александровна вышла на пенсию, хотя пенсионный возраст был – 55 лет. Как она сама рассказывала, трудно было оставить любимую работу и дорогих сердцу учеников.

Трудности жизни в Советском Союзе известны многим, но после жизни в светлой и лёгкой Австралии трудно было вдвойне. Ларисе и Виктору, рождённым в считавшейся враждебной капиталистической стране, пришлось не сладко и в школе, и в институте.

Были в жизни семьи, конечно, и светлые моменты. Одним из таких моментов стала встреча с бывшим пленным, которому Нина дала еды. Он долгие годы искал Нину, хотел на ней жениться. Годы шли. Его брат и друзья смогли

убедить упряма перестать искать девушку своей мечты. Он женился, дочь назвал Ниной – в честь Нины, которая ему спасла жизнь. Уже в 60-х годах Пётр Георгиевич Попов (так его звали) нашёл сестру Нины Александровны. Людмила не меняла свою девичью фамилию и оставалась Новиковой. Так, Пётр и Нина встретились через 20 лет после войны. Тёплая дружба семьями продлилась много лет. Дети ездили друг к другу в гости. Пётр Георгиевич говорил, что, если бы не та еда, которой их подкормили Нина и сердобольная немецкая фермерша, возможно, что он бы не выжил. Та помощь дала силы пережить голод, а мечта встретить Нину дала силы пережить страдания и дожидаться победы.

В 1980 году дочь Лариса по вызову от многолетних друзей своих родителей – семьи Михайловых – уехала в Австралию, где в феврале 1981 года вышла замуж за Василия Ивановича Михайлова. В 1982 году у них родилась дочь Анастасия, а в 1983 году – Ульяна.

В 1977 году сын Виктор женился на девушке Светлане, у них родились двое детей: Анастасия и Валентин. А в феврале 1987 г. Виктор трагически погиб при невыясненных обстоятельствах. В апреле 1989 года Нина Александровна вернулась в Австралию, в Аделаиду, к дочери Ларисе, где и прожила последние 25 лет.

Нина Александровна очень помогла нашей семье добрыми советами и реальной помощью при переезде в Австралию. Понять, как нам важно было это внимание, смогут только такие же как мы эмигранты с малышами, измотанные долгой бессонной дорогой и стоящие на пороге неизведанной жизни в чужом ещё краю.

У Нины Александровны главными чертами были отзывчивость, готовность помочь, невзирая на время и силы. Как важна бывает вовремя протянутая голодному человеку картошка, так важны вовремя оказанные помощь и участие.

Царствие Небесное и вечный покой чуткой душе Нины Александровны Мержановой!

Наталья Жуковская

Любимая учительница

С правнуком Львом.
2013 г.

Когда я вспоминаю Нину Александровну, всякий раз перед глазами встаёт картина детства: наша английская группа, Нина Александровна входит в класс, здоровается с нами привычным приветствием: «Good morning, children», - а мы дружным хором размеренно отвечаем: «Good morning, Nina Александровна»...

Я каждый раз слышу её живой негромкий добрый голос, и на глаза наворачиваются слёзы... В этих слезах всё: и тоска по ушедшему детству, и ощущение утерянного присутствия не просто друга, а того человека, у которого можно было учиться тому, что такое настоящая дружба, дружба, не знающая возрастных границ и не портящаяся от времени! Нить такой дружбы как будто приходит из бесконечности и уходит в бесконечность... Но все эти возвышенные сравнения приходят в голову уже взрослому человеку, а тогда, будучи мальчишками и девочками мы её просто любили, у нас горели глаза, когда она рассказывала нам об Австралии – такой, казалось бы, далёкой и недоступной, но вдруг приблизившейся к нам. Даже не знаю, решился бы я в своё время переехать в Австралию, если бы не эти рассказы и не эти образы из детства?

Так получилось, что я перешёл в ту школу, где преподавала Нина Александровна в конце 4-го класса, а поскольку школа была специализированная – английский язык там преподавался уже со второго класса, а не с пятого, как в обычных школах – мне пришлось усиленно догонять остальной класс. И вот одна наша знакомая учительница, узнавшая о нашей проблеме, сразу же сказала, что лучшего репетитора, чем Нина Александровна, нам не найти. То есть, хороших учителей было много, но таких как она – больше не было. И дело было не только в том, что она 9 лет перед этим прожила в Австралии, а просто она была Преподавателем с большой буквы. Это проявлялось во всём: и в

умении объяснить сложный материал, и в том, что она, понимая детскую любовь к играм, часть нашего урока на дому проводила в виде игры: один из нас загадывал какой-либо предмет, а другой, задавая вопросы (всё на английском), должен был отгадать задуманный предмет. Но, наверное, если бы эти уроки ограничивались только английским языком, след от них в душе не был бы таким сильным. Главным было то, что помимо урока мы иногда просто по душам говорили о жизни, она рассказывала многое из пережитого во время войны и после, уже во время жизни в Австралии и из совсем недавнего прошлого. Тогда я, пионер и атеист (так я думал сам), впервые услышал от неё о Боге, о душе, о бессмертии. Не забуду одного её рассказа, который произвёл на меня неизгладимое впечатление. Когда умер её муж, Валентин Дмитриевич (который был ещё жив, когда я начал ходить к ней домой на занятия), они, по случайному недосмотру, забыли проверить внутренние карманы его пиджака и похоронили вместе с ним большую по тем временам сумму денег. Когда они поняли, что случилось, было уже поздно что-то исправлять, поэтому просто смирились с потерей. Но вот как-то вечером, гуляя с собакой по своей улице, Нина Александровна вдруг услышала, что её собака, отбежавшая вперёд, возбуждённо залаяла так, как она обычно лаяла, приветствуя Валентина Дмитриевича, когда он был жив. Нина Александровна заторопилась вперёд и увидела: собака стоит и лает в темноту зарослей, а на асфальтированной дорожке рядом с ней лежат деньги: одна бумажка, две, три... Нина Александровна собрала и сосчитала всю сумму – там было ровно столько и такими же точно купюрами, сколько они похоронили. Но об этом она вспомнила уже потом, а первым побуждением было отдать деньги человеку, потерявшему их. Она до поздней ночи проходила на этом месте, ожидая, что потерявший деньги человек опомнится и придёт искать пропажу – никто не пришёл. Тогда она решила отдать найденные деньги в церковь, и только когда священник подсказал ей, что это ведь их деньги, тут уже она, сопоставив

всё, поняла, что так оно и есть.

Вспоминаю другой случай, когда Нина Александровна, рассказывая мне о каком-то тяжёлом моменте своей жизни, сказала, что стала читать в этот момент молитву «Да воскреснет Бог и расточатся врази Его...» – и даже из этих первых слов я (мальчишка!) всем своим существом почувствовал такую силу этой молитвы, что меня не надо было убеждать в том, что она окажется действенной! Помню, как, говоря о силе крестного знамения, она рассказала мне о том, как её сын Виктор не заботясь о запирании их подвала замком, всегда «запирал» его крестным знамением, и когда все соседские подвалы взломали воры, их подвал не тронули.

Именно Нина Александровна первой показала мне, как надо правильно креститься, она первой предостерегла от общения с «экстрасенсами» – рассказывать все истории, которые я услышал за многие годы общения с ней, можно было бы часами. Опять же, было много рассказов о жизни в Австралии. Интересно было потом, спустя много лет, приехав в Австралию, встретить многих из тех людей, о ком слышал от неё ещё в школьные годы.

Каждый из нас знает, что, рассказывая о жизни в далёкой экзотической стране, многие из нас могли бы где-то прихвастнуть, где-то придумать какую-нибудь красочную небылицу, но Нина Александровна всегда отличалась исключительной скромностью и честностью – я смог в этом убедиться, реально встретившись с теми людьми, с которыми раньше был знаком заочно. Общаясь с таким человеком, как Нина Александровна, в реальном масштабе понимаешь ценность честности, и в момент искушения оказывается намного легче преодолеть соблазн сказать неправду. Ведь сразу вспоминаешь: рано или поздно твой собеседник может встретить тех, о ком ты рассказываешь, узнать, что ты говорил неправду, и тогда будет так стыдно, что никакие минутные выгоды от красивой небылицы не перевесят горечи этого стыда. Зато если ты не побоишься сказать правду, то стыдиться будет нечего, а вот доверие к твоим словам возрастет.

Как я уже сказал, мне посчастливилось познакомиться с Ниной Александровной ближе,

чем знали её другие ученики нашей группы, но, тем не менее, остальные мои одноклассники любили её ничуть не меньше. После нашего 7 класса она ушла на пенсию, но мы не забывали её и каждый год собирались нашей группой и приходили поздравлять её с днём рождения. У меня в памяти до сих пор сохранилось это ощущение запаха цветущей сирени, ощущение от праздника Победы, сопровождавшее эти майские дни и непередаваемое чувство радости от общения с таким замечательным человеком. И тем более радостно было осознавать, что это чувство разделяли и другие ребята из нашей группы. И хотя мы по-детски иногда хитрили, и, не сделав иной раз домашнее задание, просили Нину Александровну: «А расскажите нам что-нибудь про Австралию...», но это всё-таки был неподдельный интерес. Нам было действительно искренне интересно (и удивительно!) слышать о том, как люди в Австралии в 50-е годы не запирали дверей, как оставляли деньги для молочника на пороге, как были устроены «холодильники» того времени, в которые просто загружали лёд, да и просто какие-то живые истории из тех времён.

Бог дал Нине Александровне прожить долгую жизнь, но даже в глубокой старости она оставалась таким же светлым человеком, каким мы знали её всегда. Всё, что оставалось от её скромной пенсии, она всегда жертвовала Церкви, монастырям, помогала нуждающимся. Последние месяцы она по состоянию здоровья провела в nursing home, поскольку нуждалась в постоянном врачебном уходе. Но даже в это время она регулярно причащалась (спасибо её дочери Ларисе, которая читала с ней все молитвы, и нашему настоятелю, который её регулярно навещал).

В день похорон стояла на редкость хорошая тёплая безветренная осенняя погода. И хотя было грустно осознавать, что мы провожаем Нину Александровну в последний путь, но на душе было ощущение лёгкости и тепла. А когда уже после возвращения с кладбища в церковный двор влетела одна, другая, третья – целая стая ласточек, то на душе стало окончательно легко и светло.

Царство ей Небесное и вечная добрая память!

Константин Жуковский

Святитель Лука, исповедник, архиепископ Симферопольский

Память 29 мая / 11 июня

Святитель Лука (в миру Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий) родился в 1877 году в городе Керчи, в Крыму, в дворянской семье польского происхождения. С детства он увлекался живописью и решил поступить в Санкт-Петербургскую академию художеств. Однако во время вступительных экзаменов им овладело сомнение, и он решил, что не имеет права делать то, что нравится, а нужно трудиться, чтобы облегчить страдания ближнего. Так, прочитав слова Спасителя о делателях жатвы (см.: Мф. 9: 37), он воспринял призыв служить людям Божиим.

Валентин решил посвятить себя медицине и поступил на медицинский факультет Киевского университета. Талант художника помогал ему в анатомических исследованиях. Он блестяще закончил обучение (1903) накануне русско-японской войны, и его карьера врача началась в госпитале в г. Чите. Ему, вчерашнему студенту,

не имевшему специальной хирургической подготовки, практически сразу пришлось делать сложные операции на костях, суставах, черепе. В госпитале Валентин познакомился с сестрой милосердия Анной Ланской, девушкой редкой красоты и благочестия. Она, не задумываясь, разделила с ним жизнь земского врача. Они сочетались браком, и в дальнейшем у них родилось четверо детей. В день ему приходилось принимать до 200 пациентов в деревенских больницах, где не хватало даже бинтов и ваты. Как мог, он использовал подручные средства: это мог быть женский волос, чтобы зашить рану или гусиное перо, чтобы сделать трахеотомию, чтобы человек не задохнулся. Это был особый уровень работы. Особенность его была в том, что требовался не только огромный багаж знаний, но и творческий подход к делу, а также любовь к пациенту.

Главным бичом русской деревни была трахома (инфекционное заболевание глаз), которую называли болезнью грязи и нищеты. Большинство хирургов по опыту знали, что эта болезнь излечима только на ранней стадии и не брались оперировать уже ослепших. И только земский врач Войно-Ясенецкий взялся за казавшееся невозможным. Хирург сам писал впоследствии: «Вспоминаю курьёзный случай, когда молодой нищий, слепой с раннего детства, прозрел после операции. Месяца через два он собрал множество слепых со всей округи, и все они длинной вереницей пришли ко мне, ведя друг друга за палки и чая исцеления».

Работая в больницах и видя последствия, которые бывают при общей анестезии, он пришёл к заключению, что в большинстве случаев её необходимо заменить на местный наркоз. Несмотря на скудное оснащение в больницах, он успешно провел большое число хирургических операций, продолжая вести научные исследования. Он одним из первых в России делал самые сложные операции. Прекрасно владея техникой глазных операций, он многим

слепым возвращал зрение. По свидетельству современников, Войно-Ясенецкий в начале XX века делал больше операций, чем могут сделать врачи нашего времени, вооружённые новейшими технологиями.

Сохранились письменные свидетельства о том, что в этот период земский врач Войно-Ясенецкий безвозмездно оказывал медицинскую помощь сёстрам Феодоровского монастыря, о чём сам врач в своих записках скромно умолчал.

В 1916 году в Москве Валентин Феликсович успешно защитил докторскую диссертацию на тему местной анестезии. В это же время хирург начал работу над своей главной книгой. Он писал: «В конце моего пребывания в Переславле пришло мне на мысль изложить свой опыт в особой книге “Очерки гнойной хирургии”... И тогда, к моему удивлению у меня появилась крайне странная неотвязная мысль: когда эта книга будет написана, на ней будет стоять имя епископа. Быть священнослужителем, а тем более епископом мне и во сне не снилось...»

В это время его жена Анна тяжело заболела туберкулёзом. Чтобы увезти Анну от сырого климата, в 1917 году он принял приглашение на должность главного врача Ташкентской городской больницы. В январе 1919 в Ташкенте произошло антибольшевистское восстание. После его подавления на горожан обрушились репрессии: в железнодорожных мастерских вершила революционный суд «тройка», обычно приговаривавшая к расстрелу. Войно-Ясенецкий и ординатор Ротенберг были арестованы неким Андреем, служителем морга, питавшим ненависть к ним, но по счастливой случайности в составе трибунала оказался другой служащий больницы, который предупредил остальных членов трибунала, что Андрей арестовал их из-за личной злобы. Их отпустили, хотя все остальные арестованные были расстреляны. Валентин Феликсович, вернувшись в больницу, распорядился готовить больных к операции, как будто ничего не случилось.

Арест мужа нанёс здоровью Анны Васильевны серьёзный удар, болезнь резко усилилась, и в конце октября 1919 года она скончалась. Валентин Феликсович остался один с четырьмя детьми, из которых старшему было 12, а младшему 6 лет. Он вспоминал: «Две

ночи я сам читал над гробом Псалтирь... Часа в три второй ночи я читал 112-й Псалом, ...и последние слова Псалма поразили и потрясли меня: *Неплодную вселяет в дом мать, радующуюся детям*... Почему-то безмалейшего сомнения я принял слова Псалма как указание Божие на мою операционную сестру Софию Сергеевну Белецкую, о которой я знал только то, что она недавно похоронила мужа и была бездетной». София Белевская без колебаний согласилась заменить мать осиротевшим детям, а главврач городской больницы, знаменитый хирург профессор Войно-Ясенецкий смог продолжать свою деятельность, как в больнице, так и в университете, где он вёл курс анатомии и хирургии. При этом его отношение к Софии Сергеевне было совершенно чистым, она лишь заменила его детям мать.

После Декрета об отделении Церкви от государства в стране началась массовая антирелигиозная кампания. Но террора показалось недостаточно. Было запущено изощрённое оружие – церковный раскол. Для этого в недрах ОГПУ создали так называемую «живую» или «обновленческую» церковь. Обновленцы инициировали собрания мирян, на которых обсуждалась деятельность епископов и некоторых из них смещали. Врач Войно-Ясенецкий выступил с речью на таком «суде» над епископом Ташкентским Иннокентием (Пустынским). И народ прислушался к его словам – Владыку Иннокентия оправдали. Сам Войно-Ясенецкий так вспоминал об этом: «Когда кончился съезд, и присутствовавшие расходились, я неожиданно столкнулся в дверях с Владыкой Иннокентием. Он взял меня под руку и повел на перрон, окружавший собор. Мы обошли два раза вокруг собора, Преосвященный говорил, что моя речь произвела большое впечатление, и неожиданно остановившись, сказал мне: “Доктор, Вам надо быть священником”».

Это была одна из самых опасных профессий после революции. Расстрелы следовали один за другим, и все священники понимали, что они идут на Голгофу. 10 тысяч священнослужителей уже были расстреляны, 20 тысяч гнили в лагерях. Люди боялись упомянуть в анкете дедушку-дядьку, а в это время профессор Войно-Ясенецкий принимает сан священника, зная,

что таким образом он снимает с себя защиту, которую давала ему слава гениального хирурга и обрекает себя на аресты, ссылки, а возможно — на смерть. В ближайшее же воскресенье он был рукоположен в диакона, а через неделю возведен в сан иерея.

Он одновременно трудился как врач, как профессор и как священник, служа в соборе только по воскресеньям и приходя на занятия в рясе. По церковным канонам человек, совершающий Божественную Литургию не должен проливать кровь, т.е. он не имеет право даже зарезать курицу. Он сделал запрос Патриарху Тихону и тот благословил его заниматься дальше хирургией, что являлось формальным нарушением канонов. Наряду с патриаршим благословением им было также получено старческое благословение от архиепископа Дмитрия Абашидзе (в схиме Антония), который также сказал, что он не должен прекращать занятия медициной. В операционной у него обязательно была икона. Когда очередная комиссия приказала её убрать, хирург просто отказался делать операции, а поскольку на очереди была операция жены какого-то крупного партийца, икону быстро вернули на место. На месте первого разреза священник-хирург всегда рисовал йодом крест.

Он совершал не так много служб и таинств, но усердствовал в проповедничестве, а свои наставления дополнял духовными беседами на животрепещущие темы. Два года подряд он участвовал в общественных диспутах с отрекшимся священником, ставшим руководителем антирелигиозной пропаганды в регионе и умершим впоследствии жалкой смертью.

В 1923 году, когда так называемая «живая церковь» спровоцировала обновленческий раскол, внеся раздоры и смущение в лоно

Церкви, епископ Ташкентский вынужден был скрыться, возложив управление епархией на отца Валентина и ещё одного протопресвитера. Ссылный епископ Андрей Уфимский (кн. Ухтомский), находясь в городе проездом, одобрил избрание отца Валентина в епископат, совершенное собором духовенства, сохранившего верность Церкви. Потом тот же епископ постриг о. Валентина в его комнате в монахи с именем Лука и отправил в небольшой городок недалеко от Самарканда. Здесь жили два ссылных епископа, и святитель Лука в строжайшей тайне был хиротонисан (18 мая 1923 г.). Через полторы недели после возвращения в Ташкент и после своей первой литургии он был арестован органами безопасности (ГПУ), бездоказательно обвинен в контрреволюционной деятельности и связи с белоказачеством, а также в шпионаже в пользу Англии. Дело буксовало, а святитель надеялся дописать последний очерк первого выпуска «Очерков гнойной хирургии». Он вспоминал: «Я обратился к начальнику тюремного отделения, в котором находился, с просьбой дать мне возможность написать эту главу. Он был так любезен, что предоставил мне право писать в его кабинете по окончании его работы. Я скоро окончил первый выпуск своей книги. На заглавном листе я написал: “Епископ Лука. Профессор Войно-Ясенецкий. Очерки гнойной хирургии”. Так удивительно сбылось таинственное и непонятное мне Божие предсказание об этой книге, которое я получил ещё в Переславле-Залесском несколько лет назад... Издать книгу двумя выпусками мне не удалось, и она была напечатана первым, далеко не полным изданием только после первой моей ссылки. Имя епископа, конечно, было выпущено».

В конце концов Епископ Лука был отправлен в Москву в Бутырскую тюрьму с ходатайством об осуждении на два года концлагеря. Он на один день был освобождён из тюрьмы, чтобы он ехал свободно в Москву. Вот что писал об этом сам святитель: «Всю ночь моя бывшая квартира главного врача больницы была наполнена прихожанами собора, пришедшими проститься со мною. В это время Ташкентская архиерейская кафедра была уже занята “живоцерковным” митрополитом Николаем,

которого я назвал лютым вепрем, возлегшим на горнем месте, и запретил иметь с ним общение. Это моё завещание взбесило чекистов. Утром, простившись с детьми, я отправился на вокзал и занял место не в арестантском, а в пассажирском вагоне. После первого, второго и третьего звонков и свистков паровоза поезд минут двадцать не двигался с места. Как я узнал только через долгое время, поезд не мог двинуться по той причине, что толпа народа легла на рельсы, желая удержать меня в Ташкенте, но, конечно, это было невозможно».

Стоит сказать о том, что текст завещания епископа Луки был перепечатан и машинописные копии его разошлись по всему городу, в результате чего «живоцерковные» храмы опустели.

В Москве епископа Войно-Ясенецкого отправили в Бутырку в камеру с уголовниками. Через три месяца следствия комиссия НКВД вынесла решение о высылке епископа Луки по этапу в Енисейский край сроком на 2 года.

Путь в ссылку проходил в ужасающих условиях, но святой врач провел не одну хирургическую операцию, спасая от верной смерти страждущих, которых ему приходилось встречать на своем пути. В ссылке он также работал в больнице и сделал много сложных операций. Вот что пишет он сам.

«Мой приезд в Енисейск произвел очень большую сенсацию, которая достигла апогея, когда я сделал экстракцию врожденной катаракты трем слепым маленьким мальчикам-братьям и сделал их зрячими. По просьбе доктора Василия Александровича Башурова, заведовавшего енисейской больницей, я начал оперировать у него и за два месяца жития в Енисейске сделал немало очень больших хирургических и гинекологических операций. В то же время я вел большой приём больных у себя на дому, и было так много желающих попасть ко мне, что в первые же дни оказалось необходимым вести запись больных. Эта запись, начатая в первых числах марта, скоро достигла дня Святой Троицы».

Из Енисейска святитель был отправлен в деревню Хая на реке Чуне, притоке Ангары. Спустя два месяца его снова вернули в Енисейск, а затем отправили в Туруханск.

За несколько месяцев в Туруханске он

приобрёл невероятную популярность и как врач, и как пастырь и серьёзно подорвал авторитет местной «живой церкви». Обновленческие храмы стояли пустые. Он имел обыкновение благословлять больных и молиться перед операцией. Крестьяне раздобыли где-то архиерейский возок, покрытый ковром и возили Владыку, как положено по его чину. Когда же представители ГПУ попытались запретить ему это, они натолкнулись на твердый отказ епископа. Тогда святителя Луку вызвали в управление госбезопасности, дали полчаса на сборы и отправили в санях к Ледовитому Океану.

Святитель вспоминал об этом: «Путь по замерзшему Енисею в сильные морозы был очень тяжел для меня. Однако именно в это трудное время я очень ясно, почти реально ощущал, что рядом со мною Сам Господь Бог Иисус Христос, поддерживающий и укрепляющий меня. Ночуя в прибрежных станках, мы доехали до Северного полярного круга, за которым стояла деревушка, название которой я не помню. Когда мы вошли в избу, хозяин её протянул мне руку. Я спросил: “Ты разве не православный? Не знаешь, что у архиерея просят благословения, а не руку подают?” “Это, как позже выяснилось, произвело очень большое впечатление на конвоировавшего меня милиционера. Он и раньше, на пути от Селиванихи до следующего станка говорил мне: “Я чувствую себя в положении Малюты Скуратова, везущего митрополита Филиппа в Отрочь монастырь”».

Зимовал святитель Лука в крошечном селении, стане Плахино, в 230 верстах за полярным кругом. Две землянки, вырытые в мерзлоте и три избы – вот и всё селение. Это было чрезвычайно тяжёлое время для святителя.

«Только в начале марта Господь неожиданно послал мне избавление. В начале Великого поста в Плахино приехал нарочный из Туруханска и привёз мне письмо, в котором уполномоченный ГПУ вежливо предлагал мне вернуться в Туруханск. Я не понимал, что случилось, почему меня возвращают в Туруханск, и узнал только вернувшись туда. Оказалось, что в туруханской больнице умер крестьянин, нуждавшийся в неотложной операции, которой

без меня не могли сделать. Это так возмутило туруханских крестьян, что они вооружились вилами, косами и топорами и решили устроить погром ГПУ и сельсовета. Туруханские власти были так напуганы, что немедленно послали ко мне гонца в Плахино. Я опять начал работу в больнице. Уполномоченный ГПУ, с большой злобой и скрежетом зубов выславший меня из Туруханска на север вниз по Енисею за моё неподчинение, встретил меня изысканно вежливо, осведомлялся о моем здоровье и житье в Плахино. Однажды случился пикантный инцидент. Уполномоченный по какому-то делу пришёл ко мне в больницу. Во время моего разговора с ним отворилась дверь, и в комнату вошла целая вереница тунгусов со сложенными руками для принятия моего благословения. Я встал и всех благословил, а уполномоченный сделал вид, что не замечает этого».

Святителю пришлось пережить много злоключений: ему продлили срок ссылки, но затем из-за случившейся у него болезни перевели в Красноярск. Чтобы было понятно, что это был за переезд, приведём воспоминания самого святителя.

«Настал долгожданный день отъезда... Я должен был ехать мимо монастырской церкви, стоявшей на выезде из Туруханска, в которой я много проповедовал и иногда даже служил. У церкви меня встретил священник с крестом и большая толпа народа.

Священник рассказал мне о необыкновенном событии. По окончании Литургии в день моего отъезда вместе со старостой он потушил в церкви все свечи, но когда, собираясь провожать меня, вошёл в церковь, внезапно загорелась одна свеча в паникадиле, с минуту померцала и потухла. Так проводила меня любимая мною церковь, в которой под спудом лежали мощи святого мученика Василия Мангазейского. Тяжкий путь по Енисею был тем светлым архиерейским путём, о котором при отходе последнего парохода предсказал мне Сам Бог словами псалма Тридцать первого: Вразумлю тя и наставлю тя на путь сей, воньже пойдеш, утвержу на тя очи Мои. Буду смотреть, как ты пойдешь этим путем, а ты не рвись на пароход, как конь или мул, не имеющий разума, которого надо направлять удилами и уздой (до этого святитель, срок ссылки которого окончился, не

зная, что он продлён на год, тщетно ждал разрешения вернуться и даже мысленно роптал на Бога — прим. ред.). Мой путь по Енисею был поистине архиерейским путем, ибо на всех тех остановках, в которых были приписные церкви и даже действующие, меня встречали колокольным звоном, и я служил молебны и проповедовал.

А с самых дальних времен архиерея в этих местах не видали. В большом селе, не доезжая 400 верст до Енисейска, меня предупредили, что дальше ехать нельзя — опасно, так как на Енисее образовалась широкая трещина во льду, а у берегов вода широко вышла поверх льда, образовав так называемые “забереги”, да и дороги в прибрежной тайге не было. Но мы все-таки поехали. Доехали до широкой трещины через всю реку шириною больше метра. Увидели, что в ней тонет лошадь с санями, которую тщетно старается вытащить бедная женщина. Помогли ей и вытащили лошадь с санями, а сами призадумались, что делать. Мой ямщик, лихой кудрявый парень, а за ним и ямщик Чудинова не колебались. Они только сказали: “Держись покрепче!”, стали во весь рост, дико заорали на лошадей и нахлестали их; лошади рванулись из всей мочи — и перескочили через полынью, а за ними перелетели по воздуху и наши сани.

От Туруханска до Красноярска мы ехали полтора месяца. За день проезжали расстояние от станка до станка — в среднем сорок верст. Я был одет в меховые тунгусские одежды и ноги закрывал енотовой шубой. Однажды ямщик просил меня подержать вожжи, пока поправит упряжь на лошадях. На руках у меня были кроличьи рукавицы, но как только я вынул руки из-под шубы и взял вожжи, руки обожгло как огнем, так жесток был мороз.

В некоторых станках ко мне приходили мои прежние пациенты, которых я оперировал в Туруханске. Особенно запомнился старик-

тунгус, полуслепой от трахомы, которому я исправил заворот век пересадкой слизистой оболочки. Результат операции был так хорош, что он по-прежнему стреляет белок, попадая прямо в глаз. Мальчик, оперированный по поводу крайне запущенного остеомиелита бедра, пришёл ко мне здоровым. Были и другие подобные встречи.

Мы благополучно доехали до Енисейска, в котором духовенство, прежде бывшее сплошь обновленческим, но обращенное мною на путь правды перед моим отъездом в Туруханск, устроило мне торжественную встречу. Отслужили благодарственный молебен и, проехав ещё триста тридцать верст, приехали в Красноярск, за два дня до праздника Рождества Христова».

В 1926 году епископ Лука был освобожден. На последнем допросе перед освобождением, допрашивавший его чекист, в конце разговора, указав владыке на обновленческий собор в окне, сказал: «Вот этих мы презираем, а таких как Вы — очень уважаем». Владыке было разрешено вернуться в Ташкент. Вернувшись, владыка с болью узнал, что всё это время его дети и София Белевская ютились в каморке (прежнюю квартиру у них отобрали) и жили впроголодь. Старшего сына Михаила исключили из училища как поповича, и от него потребовали публично отречься от отца-епископа. Михаил выполнил требование...

В Ташкенте владыка продолжал лечить людей. В день, назначенный для записи больных, люди собирались под окнами с ночи. В пять утра начиналась запись, через полтора-два часа в списке на следующий месяц набиралось более четырехсот фамилий.

Однажды Владыка Лука заметил на ступеньках городской больницы девочку-подростка и маленького мальчика. Чуткий к чужим бедам, он тотчас заподозрил неладное и подошёл к детям. Выяснилось, что их отец умер, а единственный в городе близкий человек — мать — в больнице и, очевидно, надолго. Лука повёл детей к себе в дом, нанял женщину, которая ухаживала за ними, пока не выздоровела их мать. Девочка (её звали Шура Кожушко), которой было тогда пятнадцать-шестнадцать лет, стала помогать Владыке Луке на врачебных приёмах. Она быстро освоила

основы медицины и через год, не поступая ни в какое учебное заведение, стала хорошей медицинской сестрой. Владыка Лука постоянно посылал Шуру по городу искать больных, нуждающихся в помощи и материальной поддержке.

Одной из найденных ею больных сирот была Рая Пуртова. Эта девочка приехала в Ташкент сразу после средней школы в надежде продолжить учёбу. На беду она заболела воспалением лёгких, лежала одна в чужом доме, лечить и ухаживать за ней было некому. Рая была истощена. В то время, когда не применялись ещё антибиотики, она вполне могла бы погибнуть. По просьбе епископа Луки в одной верующей семье девочке стали давать усиленное питание. Рая окрепла, встала на ноги. Несколько раз заходила она к спасшему её врачу как пациентка, а потом подружилась с Шурой Кожушко и стала в доме своим человеком. Она с радостью разыскивала по поручению Владыки Луки таких же, как она сама, длительно болеющих бедняков. Тех, кого они с Шурой находили, Владыка Лука навещал потом сам, помогал деньгами. Дом на Учительской улице надолго стал для Раи самым дорогим для неё местом.

Жившие в Ташкенте узбеки очень уважали епископа-врача. Множество больных узбеков приходили в дом на Учительскую. Переводчиком была Шура, свободно говорившая по-узбекски. Все почитали Владыку Луку, к нему обращались и за разрешением семейных и бытовых конфликтов.

После Литургии епископа Луку обычно провожала из церкви большая толпа. Особенно изливалась людская любовь на Владыку в день его именин, 31 октября. В храме торжественно совершалось богослужение. Толпы верующих не вмещались под сводами Сергиевской церкви, заполняли церковный двор и даже часть Пушкинской улицы. От дома епископа в сторону храма на протяжении двух кварталов дорога была усыпана поздними осенними цветами. А во дворе дома, где жили Войно-Ясенецкие, от крыльца до ворот, стояли белые хризантемы в горшках.

В этот период в жизни владыки произошёл ещё один серьёзный перелом. Святитель вспоминает об этом так.

«Протоиерей Михаил Андреев, разделявший со мною тяготы ссылки в Енисейский край и дальше в Богучаны и возвратившийся незадолго до меня, требовал, чтобы я освятил Сергиевский храм после епископа, перешедшего в обновленчество. Я отказался исполнить это требование, и это послужило началом тяжелых огорчений. Протоиерей Андреев вышел из подчинения мне и начал служить у себя на дому для небольшой группы своих единомышленников.

Он неоднократно писал обо мне Патриаршему Местоблюстителю митрополиту Сергию и даже ездил к нему, и сумел восстановить против меня Местоблюстителя, от которого в сентябре того же года я получил три быстро следовавших один за другим указа о переводе меня с епархиальной Ташкентской кафедры в город Рыльск Курской области викарием, потом — в город Елец викарием Орловского епископа и, наконец, в Ижевск епархиальным епископом. Я хотел безропотно подчиниться этим переводам, но митрополит Новгородский Арсений, живший тогда в Ташкенте на положении ссыльного и бывший в большой дружбе со мной и моими детьми, настойчиво советовал мне никуда не ехать, а подать прошение об увольнении на покой. Мне казалось, что я должен последовать совету маститого иерарха, бывшего одним из трех кандидатов на Патриарший престол на Соборе 1917 года. Я последовал его совету и был уволен на покой в 1927 году. Это было началом греховного пути и Божиих наказаний за него. Меня как епископа Ташкентского заменил митрополит Никандр, также бывший ташкентским ссыльным.

Занимаясь только приёмом больных у себя на дому, я, конечно, не переставал молиться в Сергиевском храме на всех богослужениях, вместе с митрополитом Арсением стоя в алтаре. Весной 1930 года стало известно, что и Сергиевская Церковь предназначена к разрушению. Я не мог стерпеть этого, и, когда приблизилось назначенное для закрытия церкви время, и уже был назначен страшный день закрытия её, я принял твердое решение: отслужить в этот день последнюю Литургию и после неё, когда должны будут явиться враги Божии, запереть церковные двери,

снять и сложить грудой на середине церкви все крупнейшие деревянные иконы, облить их бензином, в архиерейской мантии взойти на них, поджечь бензин спичкой и сгореть на костре... Я не мог стерпеть разрушения храма... Оставаться жить и переносить ужасы осквернения и разрушения храмов Божиих было для меня совершенно нестерпимо. Я думал, что моё самосожжение устроит и вразумит врагов Божиих — врагов религии — и остановит разрушение храмов, колоссальной дьявольской волной разлившееся по всему лицу земли Русской.

Однако Богу было угодно, чтобы я не погиб в самом начале своего архиерейского служения, и по Его воле закрытие Сергиевской церкви было почему-то отложено на короткий срок. А меня в тот же день арестовали».

Святитель Лука был вторично арестован 23 апреля 1930 г.

«На допросах я скоро убедился, что от меня хотят добиться отречения от священного сана. Тогда я объявил голодовку протеста... Я голодал семь дней. Быстро нарастала слабость сердца, а под конец появилась рвота кровью. Это очень встревожило главного врача ГПУ, каждый день приезжавшего ко мне. На восьмой день голодовки, около полудня я задремал и сквозь сон почувствовал, что около моей постели стоит группа людей. Открыв глаза, увидел группу чекистов и врачей и известного терапевта, профессора Слоним. Врачи исследовали моё сердце и шепнули главному чекисту, что дело плохо... Главный чекист сказал мне: “Позвольте представиться — Вы меня не знаете — я заместитель начальника Средне-Азиатского ГПУ. Мы очень считаемся с Вашей большой двойной популярностью — крупного хирурга и епископа. Никак не можем допустить продолжения Вашей голодовки. Даю Вам честное слово политического деятеля, что Вы будете освобождены, если прекратите голодовку”. Я молчал. “Что же Вы молчите? Вы не верите мне?” Я ответил: “Вы знаете, что я христианин, а закон Христов велит нам ни о ком не думать дурно. Хорошо, я поверю Вам”... Меня, конечно, ...не освободили, вопреки честному слову “политического деятеля”».

Полуживого от голода и болезни епископа отправили в ссылку: в барачный лагерь

Макариха под Котласом. Потом перевели в Архангельск.

Когда у владыки обнаружилась опухоль, он отправился на операцию в Ленинград. Там однажды во время службы в церкви он пережил потрясающее духовное откровение, напомнившее ему начало его церковного служения. «Как я раньше говорил, перед вторым арестом я был уволен на покой Патриаршим Местоблюстителем митрополитом Сергием. Незаметно для меня, медовые речи особоуполномоченного отравляли ядом сердце моё, и со мною случилось тягчайшее несчастье и великий грех, ибо я написал такое заявление: “Я не у дел как архиерей и состою на покое. При нынешних условиях не считаю возможным продолжать служение, и потому, если мой священный сан этому не препятствует, я хотел бы получить возможность работать по хирургии. Однако сана епископа я никогда не сниму”.

Не понимаю, совсем не понимаю, как мог я так скоро забыть так глубоко потрясшее меня в Ленинграде повеление Самого Господа Иисуса Христа “Паси агнцы Моя... Паси овцы Моя...”

Только в том могу находить объяснение, что оторваться от хирургии мне было крайне трудно. После моего заявления, копию которого я оставил митрополиту Сергию, меня не только не освободили досрочно, как это бывает с ссыльными, вызванными к особоуполномоченному, но вернули в Архангельск и прибавили ещё полгода к сроку моей ссылки.

Только в конце 1933 года я был освобожден и уехал в Москву. Господу Богу было, конечно, известно, что я затеваю новый тяжко греховный шаг, и Он предупредил меня крушением поезда, которое, к сожалению, только напугало меня, но не образумило. В Москве первым делом явился я в канцелярию Местоблюстителя, митрополита Сергия. Его секретарь спросил меня, не хочу ли я занять одну из свободных архиерейских кафедр. Оставленный Богом и лишенный разума, я углубил свой тяжкий грех непослушанием Христову повелению: Паси овцы Моя — страшным ответом: “Нет”.

...Я опустил до такой степени, что надел гражданскую одежду и в Министерстве здравоохранения получил должность консультанта

при андижанской больнице. Там я тоже чувствовал, что благодать Божия оставила меня. Мои операции бывали неудачны. Я выступал в неподходящей для епископа роли лектора о злокачественных образованиях

и скоро был тяжело наказан Богом. Я заболел тропической лихорадкой Паппатачи, которая осложнилась отслойкой сетчатки левого глаза.

...Спасая меня, Господь Бог послал мне совершенно необыкновенный вещий сон, который я помню с совершенной ясностью и теперь, через много лет. Мне снилось, что я в маленькой пустой церкви, в которой ярко освещён только алтарь. В церкви неподалеку от алтаря у стены стоит рака какого-то преподобного, закрытая тяжелой деревянной крышкой. В алтаре на престоле положена широкая доска, и на ней лежит голый человеческий труп. По бокам и позади престола стоят студенты и врачи и курят папиросы, а я читаю им лекции по анатомии на трупе. Вдруг я вздрагиваю от тяжелого стука и, обернувшись, вижу, что упала крышка с раки преподобного, он сел в гробу и, повернувшись, смотрит на меня с немим укором. Я с ужасом проснулся...

Непостижимо для меня, что этот страшный сон не образумил меня. По выписке из клиники я вернулся в Ташкент и еще два года продолжал работу в гнойнохирургическом отделении, работу, которая нередко была связана с необходимостью производить исследования на трупах. И не раз мне приходила мысль о недопустимости такой работы для епископа. Более двух лет ещё я продолжал эту работу и не мог оторваться от неё, потому что она давала мне одно за другим очень важные научные открытия, и собранные в гнойном отделении наблюдения составили впоследствии важнейшую основу для написания моей книги “Очерки гнойной хирургии”.

В своих покаянных молитвах я усердно просил у Бога прощения за это двухлетнее

продолжение работы по хирургии, но однажды моя молитва была остановлена голосом из неземного мира: “В этом не кайся!” И я понял, что “Очерки гнойной хирургии” были угодны Богу, ибо в огромной степени увеличили силу и значение моего исповедания имени Христова в разгар антирелигиозной пропаганды».

Труд «Очерки гнойной хирургии», ставший вскоре классикой медицинской литературы, был опубликован в 1934 году. Сам хирург продолжал врачебную деятельность вплоть до 1937 года. Жестокие репрессии, учиненные Сталиным не только против правых оппозиционеров и религиозных деятелей, но также и против коммунистических деятелей первой волны, заполнили миллионами людей концлагеря. Святитель Лука был арестован вместе с архиепископом Ташкентским и другими священниками, сохранившими верность Церкви и обвиненными в создании контрреволюционной церковной организации.

Святитель был подвергнут допросу «конвейером», когда 13 дней и ночей в ослепляющем свете ламп следователи, сменяя друг друга, беспрерывно вели допрос, вынуждая его оговорить себя. Святитель вспоминал.

«Я опять начал голодовку протеста и голодал много дней. Несмотря на это, меня заставляли стоять в углу, но я скоро падал на пол от истощения. У меня начались ярко выраженные зрительные и тактильные галлюцинации... От меня неуклонно требовали признания в шпионаже, но в ответ я только просил указать, в пользу какого государства я шпионил. На это ответить, конечно, не могли. Допрос конвейером продолжался тринадцать суток, и не раз меня водили под водопроводный кран, из которого обливали мою голову холодной водой. Не видя конца этому допросу, я надумал напугать чекистов. Потребовал вызвать начальника Секретного отдела и, когда он пришёл, сказал, что подпишу всё, что они хотят, кроме разве покушения на убийство Сталина. Заявил о прекращении голодовки и просил прислать мне обед.

Я предполагал перерезать себе височную артерию, приставив к виску нож и крепко ударив по спинке его... Чекист, как кошка, бросился на меня, вырвал нож и ударил кулаком в грудь. Меня отвели в другую комнату

и предложили поспать на голом столе с пачкой газет под головой вместо подушки. Несмотря на пережитое тяжкое потрясение, я всё-таки заснул и не помню, долго ли спал.

Меня уже ожидал начальник Секретного отдела, чтобы я подписал сочиненную им ложь о моем шпионаже. Я только посмеялся над этим требованием. Потерпев фиаско со своим почти двухнедельным конвейером, меня возвратили в подвал ГПУ. Я был совершенно обессилен голодовкой и конвейером, и, когда нас выпустили в уборную, я упал в обморок на грязный и мокрый пол. В камеру меня принесли на руках. На другой день меня перевезли в “черном вороне” в центральную областную тюрьму. В ней я пробыл около восьми месяцев в очень тяжелых условиях».

Среди сокамерников святителя Луки оказался двоюродный брат афганского эмира Мухаммад Раим (Раим Омарович Мухаммад), мусульманин, бежавший на советскую территорию во время мятежа в Кабуле и арестованный по обвинению в шпионаже. Мухаммад Раим с уважением рассказывает о православном епископе. В камере святитель был со всеми ровен и сдержан, готов был любому оказать медицинскую помощь, мог поделиться и пайкой хлеба. В камере относились к Владыке Луке уважительно.

Мухаммад Раим рассказывал, что из тюрьмы Владыка Лука написал наркому обороны К. Е. Ворошилову о своей книге, о том, что она необходима нашей Родине в мирное время, но ещё больше в случае войны. Он не просил себе свободы, но хотел только получать из дома научные материалы и хотя бы на два часа в день уединяться для работы...

Владыка Лука открыто исповедовал свою веру. Не таил и того, что преследуют его за неё; говорил: “Мне твердят: сними рясу — я этого никогда не сделаю. Она, ряса, останется со мной до самой смерти”.

Профессор-дерматолог из Ташкента А.А. Аковбян, когда-то слушавший лекции профессора Войно-Ясенецкого в университете, а впоследствии оказавшийся в одной камере с Владыкой, отмечал, что пережитые епископом Лукой скорби нисколько не подавили его, но напротив, утвердили и закалили его душу. Владыка дважды в день вставал на колени,

обратившись к востоку, и молился, не замечая ничего вокруг себя. В камере, до отказа наполненной измученными, озлобленными людьми, неожиданно становилось тихо. Все окружавшие его люди, а среди них были и мусульмане, и неверующие, начинали говорить шёпотом, и как-то сами собой разрешались только что раздиравшие людей ссоры.

Во время раздачи утренней пайки, когда атмосфера в камере накалялась до предела, Владыка Лука обычно сидел в стороне, и в конце концов всегда кто-нибудь протягивал ему ломоть хлеба ничуть не хуже, чем те, что достались другим, а иногда даже и горбушку. Позже, в начале 1939 года, по окончании ежовщины, были разрешены передачи. По словам Армаиса Аристагесовича Аковбяна, получая посылки, Владыка всё до крохи раздавал сокамерникам.

В камере, где сидел Владыка Лука, повелось так, что некоторые заключенные, прежде чем идти на допрос, подходили к епископу под благословение. Об этом донесли, и Владыка был вызван в тюремную больницу, где доктор Обоев долго уговаривал его снять рясу и вообще “не привлекать к себе излишнего внимания”. Обоев признавался потом своему знакомому, что это поручение начальника тюрьмы выполнить ему не удалось. Епископ Лука корректно, но твердо заметил коллеге, что тот взял на себя миссию не по силам.

Затем последовала ещё одна серия допросов конвейером. Это второе следствие тоже осталось безрезультатным. Это был единственный случай в истории советских спецслужб от ЧК до КГБ, когда 60-летний больной арестант дважды выдержал пытку конвейером. Следствие фактически провалилось. Но епископа Луку отправили в третью ссылку, в Сибирь, в Красноярский край, где после многочисленных прошений и отказов смог добиться разрешения работать хирургом и даже продолжить в Томске научные исследования.

Когда в 1941 произошло вторжение гитлеровских войск и началась война, святитель Лука был назначен главным хирургом красноярского эвакогоспиталя 15-15, а также ответственным за все военные госпитали края.

«...Воспоминания об этой работе остались у меня светлые и радостные. ...Когда я обходил

палаты по утрам, меня радостно приветствовали раненые. Некоторые из них, безуспешно оперированные в других госпиталях по поводу ранения в больших суставах, излеченные мною, неизменно салютовали мне высоко поднятыми прямыми ногами.

...По окончании работы в эвакогоспитале 15-15 я получил благодарственную грамоту Западно-Сибирского военного округа, а по окончании войны был награжден медалью “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 — 1945 гг.”».

Зимой 1942 года Владыка Лука жил в сырой холодной комнате, которая до войны принадлежала школьному дворнику. Епископ оказался почти на грани нищеты. На госпитальной кухне, где готовилась пища на тысячу двести человек, хирурга-консультанта кормить не полагалось. А так как у него не было ни времени, чтобы отоваривать свои продуктовые карточки, ни денег, чтобы покупать продукты на чёрном рынке, то он постоянно голодал. Госпитальные санитарки тайком пробирались в дворницкую, чтобы оставить на столе тарелку каши. Позже Владыка Лука писал сыну Михаилу: «В первое время моей работы в Красноярске отношение ко мне было подозрительное». Как и прежде, в годы тюрем и ссылок, Владыка терпел всё с глубокой преданностью воле Божией. В одном из писем той поры он писал сыну Михаилу, что «полюбил страдание, так удивительно очищающее душу».

Священный Синод приравнял его лечение раненых к доблестному архиерейскому служению и возвёл епископа Луку в сан архиепископа. «После шестнадцати лет мучительной тоски по церкви и молчания

отверз Господь снова уста мои. Открылась маленькая церковь в Николаевке, предместье Красноярска, а я назначен архиепископом Красноярским...», - писал он в письме сыну в марте 1943. В этом сане он принял участие в Соборе 1943 года, на котором был избран патриархом митрополит Сергей, а сам святитель Лука стал членом постоянного Синода. Третья ссылка закончилась. После кончины Патриарха Сергея началась подготовка к Поместному Собору Русской Православной Церкви и выборам нового Патриарха. Владыка Лука присутствовал в Москве на совещании епископов, состоявшемся 21 ноября 1944 года для избрания Предсоборной комиссии. Архиепископ Лука напомнил присутствующим о процедуре выборов Патриарха по жребию, которая была выработана на Поместном Соборе 1917 года. Согласно постановлению этого Собора, выдвижение кандидатов в Патриархи должно быть предоставлено самим участникам Собора и голосование должно быть тайным. Владыка Лука заявил, что, поскольку выдвижение митрополита Алексия как единственного кандидата в Патриархи это постановление нарушает, то он проголосует против митрополита Алексия. В результате Владыка Лука оказался единственным русским архиереем, которого не пригласили на Собор, в котором участвовали 41 русский и 5 иностранных епископов.

Так как во время войны религиозные преследования несколько ослабли, архиепископ Лука приступил к обширной программе возрождения религиозной жизни, с удвоенной энергией отдавшись проповедничеству. Когда красноярский госпиталь был переведён в Тамбов (1944), он поселился в этом городе и управлял епархией, в то же время, работая над публикацией различных медицинских и богословских трудов, в частности апологии христианства против научного атеизма, озаглавленной «Дух, душа и тело». В этой работе святитель защищает принципы христианской антропологии при помощи твердых научных аргументов.

В феврале 1945 года за архипастырскую деятельность святитель Лука был награжден правом ношения креста на клобуке. Через год архиепископ Тамбовский и Мичуринский

Лука стал лауреатом Сталинской премии первой степени за научную разработку новых хирургических методов лечения гнойных заболеваний и ранений, изложенных в научных трудах «Очерки гнойной хирургии» и «Поздние резекции при инфицированных огнестрельных ранениях суставов». Это единственный случай в советской истории, когда архипастырь Русской Православной Церкви стал лауреатом государственной премии. Стоит сказать, что премированные работы (особенно последняя) и поныне являются настольными книгами военных хирургов. Почти всю премию Высокопреосвященный Лука пожертвовал на помощь сиротам — жертвам войны. Наркомздрав пригласил его выступить на международном съезде военных хирургов, но с небольшим условием: выступать в гражданской одежде. Архиепископ Лука сказал: «Рясу с меня можно снять только вместе с кожей» и отказался выступать.

В 1946 году под давлением властей, стремившихся убрать святителя на периферию, он был переведен в Крым и назначен архиепископом Симферопольским. В Крыму он был вынужден, прежде всего, бороться с нравами местного духовенства. Он учил, что сердце священника должно стать огнём, излучающим свет Евангелия и любви ко Кресту, будь то слово или собственный пример. Он лично объехал 50 из 58 приходов Крыма, везде служил, проповедовал и безжалостно искоренял стяжательство и пьянство среди своих подчинённых. При этом, несмотря на многочисленные жалобы на него от «пострадавших», ни одному из принятых им решений не был дан обратный ход. При этом он был под постоянным наблюдением «органов» и на него «стучали» все, кто только

мог: и личный шофёр, и священнослужители, и регент церковного хора, и певчие, и простые прихожане...

Из-за болезни сердца святитель Лука был вынужден прекратить оперировать, но продолжал давать бесплатные консультации и оказывал помощь местным врачам своими советами. Он выступал с лекциями перед студентами местного мединститута в архиепископском одеянии, и уже одно это заставляло студентов усомниться в правильности материалистического понимания мира. Многие из них потом приходили в церковь. Напуганные власти запретили архиепископу читать лекции и даже перестали приглашать его на консультации в клинику, отчего погибали больные. Тогда Владыка объявил бесплатный приём в епархиальном домике.

В 1954 г. Хрущёв начал новую волну гонений на Церковь. При этом в отличие от сталинских времён, здесь не убивали, а удушали, причём делали это очень квалифицированно. Сразу после выхода «атеистического» постановления ЦК, Владыка произнёс проповедь, которая начиналась евангельскими словами: *Не бойся, малое стадо!* (Лк. 12:32). Текст проповеди мгновенно распространился по всему Крыму. Кафедральный собор, где служил Владыка, всегда был заполнен до отказа.

В 1955 году архиепископ Лука полностью ослеп, но по памяти продолжал служить Божественную литургию, проповедовать и руководить епархией. Он мужественно противостоял закрытию церквей и различным формам преследований от властей. К нему продолжали приходить больные, от которых отказались все врачи, и слепой Владыка всегда правильно ставил диагноз. Не имея возможности помочь людям как хирург, он молился о больных. По его молитвам произошло множество чудесных исцелений.

Жизнь архиепископа Луки клонилась к закату. Последнюю свою Литургию он отслужил на Рождество, последнюю проповедь сказал в Прощеное воскресенье. Его секретарь Евгения Павловна Лейкфельд пишет о последних днях святителя: «Не роптал, не жаловался. Распоряжений не давал. Ушёл от нас утром, без четверти семь. Подышал немного напряженно, потом вздохнул два раза и ещё едва заметно – и

всё...”

Под грузом прожитого, исполнив дело свидетельства о Господе, Распятом во имя нашего спасения, епископ Лука мирно упокоился 11 июня 1961 года в день всех святых в земле Российской просиявших. На его похоронах присутствовал почти весь город: люди заполнили улицы, балконы, крыши, сидели даже на деревьях. Партийные власти хотели запретить проход похоронной процессии через центр города и отдали приказ задворками вывезти тело на кладбище, но симферопольские бабушки легли на дорогу так, что иначе как по центральной улице проехать было нельзя. Толпы верующих плотно обступили машину и буквально понесли её через весь город. Это был настоящий крестный ход с хоругвями и пением «Святый Боже». А могила святителя Луки вскоре стала местом паломничества, где по сей день совершаются многочисленные исцеления. Известны случаи чудесных исцелений полученных мусульманами и католиками.

В 1995 г. святитель Лука был причислен к лику местночтимых святых в Крымской епархии, а в августе 2000 г. почитание его было распространено на всю Русскую Церковь.

Можно сказать, что вся жизнь святителя Луки, ставшая житием, была плаванием против течения. Это была непрерывная борьба за свою душу и за души вверенных ему чад Церкви. Она проходила как постепенное раскрытие от малого к большому, от большего к великому, от великого к святому, от святого к вечному...

Воспоминания о Святителе Луке читайте в литературно-историческом приложении к нашему журналу, первый номер которого выйдет в августе этого года.

Так легко или тяжело бремя Христово?

Свт. Лука Войно-Ясенецкий

«А я скажу вам: «Да, да! Легко, и чрезвычайно легко». А почему легко? Почему легко идти за Ним по тернистому пути? Потому что будешь идти не один, выбиваясь из сил, а будет тебе сопутствовать Сам Христос; потому что Его безмерная благодать укрепляет силы, когда изнываешь под игом Его, под бременем Его; потому что Он Сам будет поддерживать тебя, помогать нести это бремя, этот крест.

Говорю не от разума только, а говорю по собственному опыту, ибо должен засвидетельствовать вам, что, когда шёл я по весьма тяжкому пути, когда нёс тяжкое бремя Христово, оно нисколько не было тяжело, и путь этот был радостным путём, потому что я чувствовал совершенно реально, совершенно ощутимо, что рядом со мною идет Сам Господь Иисус Христос и поддерживает бремя моё, крест мой. Тяжёлое было это бремя, но вспоминаю о нём как о светлой радости, как о великой милости Божией. Ибо благодать Божия

изливается преизобильно на всякого, кто несёт бремя Христово. Именно потому, что бремя Христово нераздельно с благодатью Христовой, именно потому, что Христос того, кто взял крест и пошёл за Ним, не оставит одного, не оставит без Своей помощи, а идет рядом с ним, поддерживает его крест, укрепляет Своею благодатью.

Помните Его святые слова, ибо великая истина содержится в них. *Иго Мое благо, и бремя Мое легко.* Всех вас, всех уверовавших в Него зовет Христос идти за Ним, взяв бремя Его, иго Его.

Не бойтесь же, идите, идите смело. Не бойтесь тех страхов, которыми устрашает вас диавол, мешающий вам идти по этому пути. На диавола плюньте, диавола отгоните Крестом Христовым, именем Его. Возведите очи свои горе — и увидите Самого Господа Иисуса Христа, Который идёт вместе с вами и облегчает иго ваше и бремя ваше. Аминь.»

Исцеление

Александр Сегень

В наши дни мало кто верит в чудеса, и трудно убедить современного человека в том, что они случаются. И тем не менее, я, современный человек, должен рассказать о чуде, случившемся со мной, и попытаться найти простые убедительные слова — без чего-либо, что может показаться лживым, надуманным или хотя бы слегка досочиненным. Произошло это несколько лет назад, и я, писатель Александр Сегень, до сих пор не решался письменно засвидетельствовать чудо, ограничиваясь лишь устными рассказами. Меня всегда останавливала мысль: либо откровенно не поверят, либо лишь сделают вид, что поверили. Либо — недоверят. С весны того года у меня начала болеть пятка. Я особо не переживал. Пройдет. Но не проходило, а, наоборот, болело всё сильнее и сильнее. Пришлось идти к врачам. Они ставили разные диагнозы, прописывали мази, таблетки, но ничего не помогало. Летом мы вдвоем с сыном Колей собирались поехать

на три недели в Гурзуф, и я думал о море — оно меня часто спасало, многие болячки заживали, когда поплаваешь много дней подолгу, походишь по прибрежной гальке. Но и море на сей раз не помогло, и, когда пришло время уезжать, я уже вовсе не мог наступить на пятку, такую адскую боль вызывал каждый шаг. Мы приехали из Гурзуфа в Симферополь, до поезда оставалось три часа.

— Надо идти пешком к святителю Луке, — объявил я о своем решении сыну.

— Какое пешком! — усомнился Николаша. — Тебе нельзя пешком, папочка.

Я почти никогда не решался тревожить святых просьбами о своем устройстве в жизни. Лишь изредка. Когда Коля должен был появиться на свет, назначили кесарево сечение на 1 июня, а этот вольнодумец решил, что ему пора, и стал требовать освобождения утром 31 мая. Я, узнав о том по телефону, испугался и побежал в храм Рождества Христова в селе

Измайлове, встал на колени перед иконой святителя Николая и долго молился. В какой-то миг мне показалось, что святитель Николай улыбнулся мне. Я поспешил домой, позвонил в роддом и узнал о благополучном исходе.

– Нет, надо идти.

– Давай хотя бы такси возьмем.

– Нет, только пешком.

И мы, оставив вещи в камере хранения, отправились к целителю Луке (Войно-Ясенецкому). От вокзала до Свято-Троицкого собора, в котором после канонизации в лике святых покоятся мощи святителя, пешком, если веселыми ногами, минут 15; если усталым шагом, то минут 20–25. Я, опираясь на сына, тащился час с лишним, взмок от боли, но преодолевал её разговорами о человеке, к которому мы шли. Я рассказывал о том, как родившийся в семье католиков Валентин Феликсович Войно-Ясенецкий в юности увлекался толстовством, потом, вопреки протестам родителей, принял Православие; о том, каким знаменитым врачом он стал уже в молодые годы, как, оплакав жену, родившую ему четырех детей, принял монашеский постриг. Находясь в Ташкенте, он был привлечен в качестве эксперта по одному судебному делу, и известный чекист-палач Петерс спросил его: «Скажите мне, поп и профессор Войно-Ясенецкий, как это вы верите в Бога, в бессмертие души? Вы что, видели Бога? А когда вы делали операции в грудной клетке, вы что, видели душу?» «Нет, – спокойно отвечал целитель, – Бога и души я не видел. Но я не раз производил трепанацию черепа, и ума тоже не видел».

Обо всём этом мы говорили с сыном, медленно волоочась к Свято-Троицкому храму, и наконец добрались. Там я встал на колени пред гробом святителя и помолился ему, не утомляя слишком долгим прошением. Купил масло, освященное на мощах святого, и байковую портянку, которой мне посоветовали укутывать больное место после намазывания маслом. Путь от храма к вокзалу был еще более утомительным. У меня уже не было сил ни о чем беседовать. Не знаю почему, но я решил намазать ногу маслом уже по приезде в Москву.

Мы с Колей вернулись в воскресенье днем. Вечером я вспомнил про масло. Положа руку на сердце: не очень-то верил в чудо,

хотя надежда на помощь святого теплилась в сердце. Ну, думал я, хоть бы чуть-чуть сняло боль... Далее произошло такое, что у меня в буквальном смысле слова зашевелились на голове волосы, а по коже пробежали мурашки. Как только я намазал ногу маслом, в ноге создалось некое отрадное бурление: как в бокале, куда только что налили шампанского или нарзана, внутри бегали тысячи пузырьков, и в какие-то считанные секунды боль исчезла, растворилась в этом чудесном кипении. Я обмотал ногу байковой портянкой, прошелся взад-вперед. Замечательно, ничего не болит! Я не мог поверить своим ощущениям. Боялся сказать Коле. Тем более что через полчаса боль вернулась, а ещё через час вновь сделалась невыносимой. Среди ночи я проснулся и снова намазался. И повторилось то же самое. Только бурление на сей раз было не такое бойкое. Боль прошла, я лег и постарался уснуть, пока снова не разболелось. Проснувшись рано утром, я почти не испытывал боли, но всё равно ещё раз намазал пятку. Теперь почти никакого шампанского и нарзана. Просто стало ещё легче. Мне нравилось по утрам провожать сына в школу. Мы всегда беседовали о чём-нибудь интересном и приятном. В среду, на третьи сутки после нашего с ним возвращения из Крыма, мы вышли из дома, и я сказал:

– Николаша, хочешь я покажу тебе чудо? – Какое? – А вот смотри! Я лихо пробежал 100 метров вперед и так же бегом вернулся. – И где же чудо? – Ну здрастье-мордастье! А несколько дней назад...

– Ух ты, точно!

– Видал?

– Видал... Некоторое время мы шли молча. Наконец Коля остановился, посмотрел на меня и сказал:

– Ну а ты как хотел? Это ж святой.

Поэтическая страница

Александр Урумянц

Метель

Февраль – и лютый, и суровый.
 Метель дороги занесла,
 Голубоватые сугробы
 Внизу у дома намела.
     Она за окнами свистела
     И громко песню пела мне,
     О вечной молодости пела
     Неувядающей весне.
 В просторы Снежной королевы
 Звала и мысли, и мечты,
 И были все её напевы
 Полны нездешней красоты.
     Звучала песня звонко, чисто,
     Была в ней сказка или быль,
     А над сугробами со свистом
     Неслась стремительная пыль.
 На склоне дня метель утихла
 И в небе синем – солнца свет,
 Но всё звучала песня тихо
 О тех краях, где смерти нет.
     И слушал у окна я стоя,
     И в синь глядел, чего-то ждал,
     Сосулек множество большое
     У самой крыши увидал.
 И на какое-то мгновенье
 Как будто вспыхнул яркий свет,
 Явилось словно откровенье:
 “Нигде в природе смерти нет!”
     Была зима особо лютой,
     Как много-много лет назад,
     Но я, как будто, в те минуты
     Случайно в Вечность бросил взгляд.
 Иная явь меня манила,
 Иного мира свет сиял.
 За домом солнце заходило
 И зимний вечер наступал.
     На горизонте тьма сгущалась
     И стало сумрачно везде.
     Меня всё это не касалось,
     Ведь смерти не было нигде!

февраль 1996 г.

Облака

Снова лето настало -
 Небосвод голубой.
 Как похожи на скалы
 Облака над землёй!

Облаков легковесных
 Золотая гряда.
 Там в краях поднебесных
 Словно гор череда.

В тех горах прогуляться
 В раннем детстве мечтал,
 На утёсы взбираться
 Среди облачных скал.

Ну, а если устанешь
 По утёсам шагать -
 Там на белой поляне
 Хорошо отдыхать.

Как мягка та поляна!
 Я на ней отдохну,
 На перине тумана
 Как в постели усну.

В детстве было возможно
 К горизонту прийти,
 А оттуда несложно
 И на тучи взойти.

июль 1996 г.

Я нередко вспоминаю

Я нередко вспоминаю время дальнее.
Город светлый. Двор забытый. Детство раннее.
Снова лица вижу, руки загорелые
У фонтана, где плескались гуси белые.

Расцветал фонтан под стенами кирпичными,
Проплывал биплан над крышей черепичною,
Уносился с шумом в небо ярко-синее.
Были гуси, будто лебеди, красивые.

И трава была высокая-высокая
И казалась выше дома, выше тополя.
Я приехал снова в город детства раннего,
Снова небо голубое беспечальное.

Но прошли уже года, десятилетия,
Пробежали, пролетели полстолетия,
Промелькнули чередой нескончаемой
И стою я здесь, никем не узнаваемый.

Посреди двора, пустого и широкого,
Как ненужный призрак времени далёкого.
Здравствуй, детство, и далёкое, и близкое!
Здравствуй, небо, и высокое, и чистое!

Здравствуй, тополь! Но давно уж нету тополя.
Не растёт трава под окнами высокая.
Где фонтан шумел – остались камни серые.
Облаками в небе стали гуси белые.

Разлетелись вдаль серебряными стаями,
В голубой лазури медленно растаяли.
Но по-прежнему и чудится, и верится, –
Полстолетия, как сон пустой, развеется.

Оживет фонтан под стенами кирпичными,
Проплывёт биплан над крышей черепичною,
Облаками вновь вернуться гуси белые,
Обожжёт мне солнце руки загорелые.

Я в траву уйду - высокую-высокую,
Выше неба, выше солнца, выше тополя.

февраль 1999

Тот далёкий-далёкий день

Он является мне как тень,
А точнее сказать – как свет, –
Тот давно улетевший день –
Светлый призрак ушедших лет.

Тот нежаркий весенний день
Проливным отшумел дождём,
Ливень в парке умыл сирень,
Зеленела трава кругом.

Дальний гром затихал в горах.
Как прохладен тот воздух был!
Он сиренью, грозой пропах,
Ароматами трав пьянил.

Дождевая неслась река,
С гор в долину поток бежал.
Майский день уплывал в луга,
Золотою зарёй пылал.

Догорал тот далёкий день,
Угасал золотистый след,
А в аллеях цвела сирень,
А над парком струился свет.

Серебристый волшебный свет
Плыл на Землю со всех сторон,
Нёс посланья иных планет
И преданья былых времён.

Память канувших в прах веков
И тоску об иных мирах,
Красоту неземных лугов,
Ароматы нездешних трав.

Как безумно цвела сирень!
Лучезарный струился свет.
В тот далёкий-далёкий день
Мне шестнадцать лишь было лет.

март 1997

Dr. Natasha Voin
LEVEL 6

SUITES 618-619

147 PIRIE STREET, ADELAIDE 5000

(facing Hindmarsh square)

PHONE: (08) 722 518 89

(говорим по-русски)

OPENING SPECIALS:

GAP FREE dental treatment for children under 18 years of age (and 25 years for those with BUPA)

GAP FREE check, clean and x-rays (if you do not have any private health cover you will find our fees very reasonable)

Refer a friend and get ½ price tooth whitening

With a bright, modern environment, friendly atmosphere, spacious rooms, and state of the art equipment, you will feel confident that we can provide you with a service that will keep you smiling!

We have flexible working hours, so come see us in your lunch break, or bring the kids in for gap free dental care!

We are preferred providers with BUPA, HCF, accept all major health funds, Dept of Veterans Affairs (DVA), South Australian Dental service (SADS), we bulk bill Medicare Teen Dental scheme and have HICAPS facility for on the spot claims.

Morozov
Migration
Services

Anna Morozov - специалист по миграционному законодательству Австралии и зарегистрированный миграционный агент
MARN 0852237, NAATI сертифицированный переводчик (English-Russian), предлагает:

- бесплатную предварительную оценку шансов на получение виз в Австралию
- полное сопровождение иммиграционного процесса и/или платные консультации по вопросам связанным с визами:
- независимая профессиональная спонсируемая штатом/работодателем студенческие визы - визы партнера
- невесты - родительские визы
- туристические и Skills Assessment
- профессиональный перевод документов

Звоните: 08 8365 5550 / 0403 168 731

Пишите: info@morozovmigration.com.au

Damien Elberg

Peter Elberg

Peter Elberg
FUNERALS

The death of someone close, whether expected or sudden, is always a stressful experience for family and friends. Important decisions and detailed arrangements need to be made with the caring assistance of someone whom you can really trust.

Serving the
Russian Orthodox Community
with professional care and
complete understanding

*Proudly South Australian
Owned & Operated*

280 Grange Road, Flinders Park SA 5025 Ph: 8234 1266

AUSTRALIAN
FUNERAL
DIRECTORS
ASSOCIATION